

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 392/3

Т. А. НЕВСКАЯ,
доктор исторических наук,
профессор Северокавказского
федерального университета**ТРАДИЦИИ «ИЗБЕГАНИЯ» В КАВКАЗСКОЙ СЕМЬЕ
(XVII–XXI вв)**

В статье рассматривается обычай избегания у горцев Северного Кавказа, по которому невестка не имела права разговаривать со старшими родственниками мужа. Этот обычай мешал социализации женщин в 20-е годы XX века, поэтому советские органы власти организовали широкомасштабную кампанию по «раскрепощению» горянки. Это дало свои плоды, однако обычай не изжит окончательно до сих пор.

Ключевые слова: обычаи горцев, традиция избегания, права человека, Северный Кавказ.

UDK 392/3

T. A. NEVSKAYA,
doctor of Historical sciences,
professor of North Caucasus Federal University**TRADITION OF «AVOIDANCE» IN THE CAUCASIAN FAMILY
(XVII–XXI centuries)**

Mountaineers of the North Caucasus had a custom of avoidance according to which daughter-in-law had no right to talk to elder relatives of her husband. This custom impeded socialization of women during the modernization of the society that began in 1920s, that's why soviet authorities organized large scale campaign of bringing mountain women in social activities, education, and cultural life. These measures gave results but the custom is still not completely overcome.

Key words: customs of the Highlanders, tradition of avoiding, human rights, North Caucasus.

До середины XX века, а частично и в настоящее время, у всех горских и кочевых народов Северного Кавказа существовал обычай избегания: молодой жене запрещалось разговаривать со старшими родственниками. Особенно строго соблюдалось молчание женщины в отношении старших братьев мужа. Происхождение этого обычая уходит корнями в древность, когда материнский род уступал место отцовскому, и женщина, приходя в чужой род, подвергалась дискриминации.

Обычай избегания отмечали в своих произведениях путешественники, посещавшие Кавказ в XVII–XVIII веке. По сообщениям католического монаха д'Асколи, бывшего на Кавказе в первой половине XVII века, образ жизни замужней женщины значительно отличался от того, какой она вела до выхода замуж. Вступив в брак, она долгое время даже не показывалась родственникам. Потом молодую женщину принимали в дом и дарили подарки, но ей не разрешено было говорить. Только год спустя она приобретала это право [1].

Академик П. С. Паллас, приезжавший на Кавказ в конце XVIII века, писал: «Молодые люди обоих полов вольны встречаться и принимать участие в забавах; женщины не застенчивы, не скромны; при сватовстве черкесы придают большое значение званию <...> Когда сын или дочь женится, они не осмеливаются являться первый год перед своим отцом или матерью до рождения ребёнка. Муж посещает свою молодую жену долгое время только тайком, влезая в окно её комнаты. Он никогда не присутствует, когда она принимает гостей; он не любит, когда ему говорят о ней и о детях, и считается даже оскорбительным, когда у него спрашиваются о здоровье жены» [2].

Интересно, что многие путешественники, хотя и упоминают обычай избегания, описывают даже с некоторым удивлением свободное поведение кавказских женщин. Подчеркивает не особенную стеснительность девушек в отношении к иностранцам Э. Д. д'Асколи. По

его словам, дочери хозяина, даже самые благородные, не только не прятались от гостя, но целовали ему руки и заботились о чистке его платья. До замужества девушкам разрешалось бывать на обедах и всяких празднествах [3].

Немецкий учёный А. Олеарий, побывавший на Кавказе в первой половине XVII века, отмечает у кавказских женщин «нахальное выражение лица, которое приписывается древним амазонкам». Олеарий пишет, что они были жадны и бойки, выпрашивая подарки. Описывает, как девушки выходили навстречу незнакомцам, махали, приглашали в дом. Автор подчёркивает, что они не стеснялись, когда кто-то, трогая и осматривая их украшения, свисавшие с шеи ниже груди, касался рукой голого тела. Им свободно разрешалось беседовать с гостями и оставаться с ними наедине, но, тем не менее, жёны оставались верны своим мужьям [4].

Очень либеральными кажутся путешественникам также супружеские отношения горцев XVII и XVIII столетий: если муж застал свою жену с любовником, он выходил, ничего не говоря, и никогда не упоминал об этом. Жена поступала точно так же. Если муж первым жаловался на свою жену местному правителю, её продавали и давали мужу новую. То же случалось и с мужем, если жена приходила жаловаться первой [5]. Исследователь нарративных источников по истории Кавказа И. М. Кула считает, что с современной точки зрения эти правила свидетельствуют о равноправии мужчин и женщин в черкесском обществе в тот период. Для сравнения она указывает, что в XIX веке по адатам (обычному праву) горцев муж, заставший жену с любовником, имел право убить обоих на месте безнаказанно [6].

Распространение среди народов Кавказа ислама с его требованиями к женщинам дало новый импульс бытованию обычаев избегания и молчания, вступавших в силу с момента сватовства. Разговорный запрет у народов Дагестана назывался «держат язык». При необходимости невестка передавала сообщение или просьбу свекрови через кого-либо из детей. В строгих семьях это ограничение длилось всю жизнь, в других невестке разрешали говорить с родителями мужа после рождения ребёнка. Сначала невестка начинала общаться со свекровью, много позже – со свёком. У многих народов (например, кумыков) разрешение невестке говорить происходило в торжественной обстановке и сопровождалось обменом подарками.

Снятию запретов сопутствовали специальные обряды. Женщины приходили в дом невесты и по очереди обнимали её. Старшая из родственниц жениха первой заговаривала с невестой и просила её принести воды. Получив пиалу с водой, гостя спрашивала невесту: «Пить мне?». Невеста молчала, вопрос трижды повторялся, и только потом звучал ответ: «Пей». Выпив, пожилая женщина произносила ритуальную фразу, желая невесте, чтобы та была так уважаема, как нужна людям вода, и желала рождения сына, после чего дарили деньги и надевали кольцо.

Запреты в поведении женщины и избегания не прекращались и после окончания свадебной церемонии. Первые месяцы после женитьбы муж старался приходить в комнату молодой жены тайком, незамеченным. У некоторых народов молодую жену первое время селили в доме родственников, и муж влезал к ней тайком в окно, стараясь уйти до рассвета. У ингушей, например, после появления детей жена с детьми располагалась в хозяйской половине дома, а муж – в отдельной комнате или в кунацкой. Эти обычаи со временем упростились, но не исчезли полностью.

Между мужем и женой сохранялось ограничение в общении, они не имели права разговаривать в присутствии старших родственников, обращаться друг к другу по имени, им не полагалось находиться в одном помещении дома, беседовать, есть за одним столом, оставаться наедине.

Многие офицеры Кавказской армии оставили интересные описания обычаев и быта горцев XIX века, эти свидетельства современников весьма ценны, так как горцы не имели письменности и, соответственно, письменной истории. К. Ф. Сталь, служивший на Кавказе в середине XIX века, писал об обычаях черкесов: «Молодой муж не позволяет себе видеть жену днём, а непременно ночью и то украдкой. Видеть жену днём, входить к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить пожилой простолюдин, а князь и дворянин – никогда» [7]. «Даже мужу считается неприличным быть днём с женой, обыкновенно только вечером он входит к ней», – вторит ему генерал Д. Анучин [8].

Избегание существовало и между мужем и родителями его жены, а отдельные элементы этого обычая распространялись на родителей и детей. Так, горский мужчина не мог брать на руки своих маленьких детей, играть с ними, так как это считалось не мужским делом. Отчасти этот обычай можно объяснить тем, что мужчина всегда должен был быть готов обнажить оружие и встать на защиту семьи. Многие обычаи горцев возникли в условиях военизированного быта, когда до присоединения к России война «всех против всех» была обычным состоянием.

Замечательный осетинский поэт и художник второй половины XIX века К. Хетагуров писал: «Только в самом интимном кругу (жены и детей) или с глазу на глаз позволительно отцу дать волю своим чувствам и понынчить, приласкать детей. Если осетина-отца в прежние времена случайно заставляли с ребёнком на руках, то он не задумывался бросить малютку куда попало... Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени. Говоря обо мне, он всегда выражался так: где наш сын? Не видел ли кто нашего мальчика?» [9].

Обычай избегания не является исключительно кавказскими, он известен у народов Севера и других регионов. Однако их длительное, до настоящего времени, существование позволяет говорить о том, что эти древние правила поведения встроились в новую действительность, продолжая существовать и в XIX, и в XX веке, несмотря на изменения общественного строя. На основании этого можно сделать вывод: роль, которую играла эта традиция, – одна из наиболее важных в жизни социума. Горские семьи жили очень скученно, часто вся большая семья находилась в одном помещении, особенно зимой, поэтому избегание предотвращало семейные ссоры и конфликты, помогало сохранить стабильность и порядок в горском социуме.

Поддерживался обычай калымным браком, когда за невесту платили её родителям выкуп, и она становилась, фактически, собственностью семьи мужа. Горянка вела замкнутый образ жизни: не участвовала в полевых работах, ограничиваясь только заботами о доме, не принимала никакого участия в общественных делах селения.

По адатам – обычному праву горцев – женщина не являлась дееспособной и правоспособной, т. е. не могла иметь собственность, заключать сделки, вести торговлю и т. п. В суде женщина не могла выступить в качестве свидетеля, исключения составляли лишь дела, касающиеся чести женщины, случаев насилия над ней, однако в этой ситуации свидетельство должен был подтвердить мужчина. Даже в начале XX века, когда условия жизни меняются в горных аулах, обычаи избегания и женского молчания продолжают строго соблюдаться.

Традиция мешала социализации женщин в период модернизации общества в 20-е годы XX века: женщины не могли пойти в магазин, поступить в учебное заведение, заниматься трудом вне дома, выступить на собрании – это противоречило традиционной горской культуре и этикету. Поэтому советские органы власти организовали широкомасштабную кампанию по «раскрепощению горянки», привлечению её к общественной деятельности, образованию, культурной жизни. В магазинах, открытых в аулах, стали определять «женские» и «мужские» часы, чтобы женщины не сталкивались с чужими мужчинами в общественном месте, появлялись специальные женские артели. Русские врачи, приехавшие в аулы, учили национальные языки, чтобы женщины могли обратиться за помощью без переводчика-мужчины. В театрах и клубах делали постановки «Суд над горянкой», где обсуждали доводы «за» и «против» новых веяний в социальной жизни, в частности приобщения горянок к общественному труду.

Серьезной проблемой стало отсутствие тёплой одежды, которая не была предусмотрена традиционным женским костюмом народов Кавказа. Зимой женщина могла выйти из дома только во двор или за водой, накинув несколько шалей и платков. Правда, у княгинь встречались платья, подбитые беличьим мехом, но это было исключением. В таких условиях не могло быть и речи о том, чтобы пойти на работу или на собрание. Советские власти выделили солидную сумму денег на проведение кампании «Пальто – горянке». Вначале женщинам из бедных семей выдавали готовые пальто, советских и партийных работников обязали купить своим жёнам верхнюю одежду. Потом стали выдавать ткань для самостоятельного пошива. Постепенно горские женщины стали приобщаться к работе вне дома и общественной жизни.

Такая политика дала свои плоды, однако обычай избегания не изжит окончательно до сих пор. Муж с женой не сидят вместе за столом в присутствии гостей, многие отцы не берут на руки детей, женихов и невест по-прежнему подыскивают родители. Интересно отношение к этим обычаям в современной действительности. Так, по мнению исследователя С. Ш. Гаджиевой, «обычаи избегания осознавались и истолковывались как выражение уважения друг к другу» [10]. И в настоящее время молодежь осознает важность сложившихся традиций и неписаных законов, стремится соблюдать их [11].

Вместе с советской властью ушла в прошлое и борьба с «вредными пережитками» в семейных традициях. В современном законодательстве нет статьи «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев», которая была в особом XI разделе Уголовного Кодекса РСФСР. В соответствии с ней возникала уголовная ответственность за патриархальное закрепощение женщины в семейном и общественном быту, а также воспрепятствования осуществлению равноправия женщин. За десятилетия борьбы с «пережитками» стало очевидно, что юридические запреты не эффективны в отношении тех или иных обычаев. Обычай является частью культуры народа, он возникает и существует, когда есть для этого необходимые условия. Обычай отмирает постепенно сам, когда исчезают условия, его породившие. Поэтому, если общество считает, что определённый обычай несовместим с современной действительностью, например, с правами человека, то необходимо изменить социальные условия, дающие почву для бытования этой традиции. Обычаи, относящиеся к положению женщины, могут измениться только с изменением, прежде всего, экономических оснований жизни этносов.

Литература

1. *Д'Асколи Э. Д.* Описание Чёрного моря и Татарии (1634) // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 65.
2. *Паллас П. С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 221–222.
3. *Д'Асколи Э. Д.* Описание Чёрного моря и Татарии ... С. 64.
4. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 83–84.
5. *Таверне Ж. Б.* Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 81.
6. *Кула И. М.* Европейские нарративные источники XVII в. о «женском пространстве» в культуре народов Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 6. Ставрополь, 2014. С. 106.
7. *Сталь К.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ. Вып. VIII. Нальчик, 2011. С. 119.
8. *Анучин Д.* Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Кавказ. Вып. VIII. Нальчик, 2011. С. 195.
9. *Хетагуров К. Л.* Особа // *Хетагуров К. Л.* Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. М., 1960. С. 339–340.
10. *Гаджиева С. Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985. С. 170.
11. Семейный обычай избегания. URL: <http://interkavkaz.info/culture>

References

1. *D'Ascoli E. D.* Opisanie Chernogo morya i Tatarii (1634) [Description of the Black Sea and Tartary (1634)] // Adygi, balkartsy i karachaevttsy v izvestiyah evropeyskih avtorov XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 65.
2. *Pallas P. S.* Zametki o puteshestviyah v yuzhnye namestnichestva Rossiyskogo gosudarstva v 1793 i 1794 gg. [Travel notes in the southern province of the Russian State in 1793 and 1794 he.] // Adygi, balkartsy i karachaevttsy v izvestiyah evropeyskih avtorov XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 221–222.
3. *D'Ascoli E. D.* Opisanie Chernogo morya i Tatarii ... S. 64.

4. *Oleariy A.* Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [Description of trip to Muscovy and Muscovy in Persia and back] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyah evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. Nal’chik*, 1974. S. 83–84.

5. *Tavern Zh. B.* Shest’ puteshestviy v Turtsiyu, Persiyu i Indiyu v techenie soroka let [Six trips to Turkey, Persia and India for forty years] // *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyah evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. Nal’chik*, 1974. S. 81.

6. *Kula I. M.* Evropeyskie narrativnye istochniki XVII v. o «zhenskom prostranstve» v cul’ture narodov Severnogo Kavkaza [European narrative sources of the 17th century about «women’s space» in the culture of the Northern Caucasus peoples] // *Iz istorii kul’tury narodov Severnogo Kavkaza. Vyp. 6. Stavropol’*, 2014. S. 106.

7. *Stal’ K.* Etnograficheskiy ocherk cherkesskogo naroda [Ethnographic sketch of the Circassian people] // *Kavkaz. Vyp. VIII. Nal’chik*, 2011. S. 119.

8. *Anuchin D.* Ocherk gorskih narodov Pravogo kryla Kavkazskoy liniy [Sketch of mountain peoples of the Caucasian line right wing] // *Kavkaz. Vyp. VIII. Nal’chik*, 2011. S. 195.

9. *Khetagurov K. L.* Osoba [Lady] // *Hetagurov K. L. Sobranie sochineniy v 5 t. T. 4. M.*, 1960. S. 339–340.

10. *Hajiyeva S. Sh.* Sem’ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. [Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th and early 20th centuries] M., 1985. S. 170.

11. Semeynyy obyчай izbeganiya [The family custom of avoidance]. URL: <http://interkavkaz.info/culture/>

УДК 687 (470.620)

А. В. МАКСИМОВА,
аспирант Краснодарского
государственного
университета
культуры и искусств

Н. А. ГАНГУР,
доктор исторических наук,
профессор Краснодарского
государственного университета
культуры и искусств

**ФАБРИЧНОЕ ШВЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СПРОС
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(На материале Куцёвского района)**

В статье на основе архивных источников рассматривается ассортимент отечественной швейной промышленности в центре и регионе, и динамика потребительского спроса на крестьянские и городские виды одежды в конкретном районе.

Ключевые слова: швейное производство, потребительский спрос, магазин готового платья, крестьянская / городская одежда.

UDK 687 (470.620)

A. V. MAXIMOVA,
post-graduate student
of Krasnodar State University
of Culture and Arts

N. A. GANGUR,
doctor of Historical sciences,
professor of Krasnodar State
University of Culture and Arts.

**FACTORY GARMENT PRODUCTION AND CONSUMER DEMAND
IN SOVIET RUSSIA IN THE LATE 1920’S – EARLY 1930’S:
REGIONAL DIMENSION
(Based on Kushevskaya district)**

On the basis of archival sources considered range of the domestic garment industry in the center and the region, and the dynamics of consumer demand for peasant and urban types of clothing in a particular area.

Key words: clothing industry, consumer demand, store the finished dresses, peasant / urban clothing.

История довоенной советской моды достаточно хорошо изучена в культурологическом ключе, прежде всего, в работах Татьяны Стриженовой [1]. Однако на региональном мате-